

ПРИЧИНЫ НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Текст статьи воспроизведен по изданию: Антонович М.А. Избранные статьи. Философия. Критика. Polemika. - Л., 1938:

В нашей статье о "Современном состоянии литературы"* мы представили общий беглый очерк этого состояния, который резюмируется так: с одной, так сказать, с правой стороны -- злорадное торжество литературных реакционеров и квиетистов, а с другой, с левой -- небрежное, холодное, даже несколько апатичное отношение к делу. Правая сторона прессы приободрилась и оглашает литературную арену победными кликами, тогда как левая как будто упала духом и присмирела. Левая не останавливает бахвальства своих противников, не противодействует им, не поднимает своего знамени и не идет с ним на войну, чтобы завоевать себе литературное поле и очистить его от сорных, враждебных элементов. Кажется, как будто она не имеет определенных идеалов, которые бы одушевляли ее, не наметила для себя целей, которые бы привлекали ее, и не чувствует под собой твердой опоры, которая придавала бы ей самоуверенность, мужество и стойкость.

* См. "Слово", No I.

Что же это все значит и отчего все происходит? Значит ли это, что левая сторона литературы действительно пришла в упадок и пришла именно вследствие своего внутреннего бессилия и безжизненности, вследствие отсутствия в ней содержания, способного развиваться и сообразного с потребностями жизни и времени, или вследствие каких-нибудь случайных, внешних причин? Значит ли это, что квиетисты действительно одержали победу и одержали без всяких внешних, случайных содействующих условий и благоприятных обстоятельств, а единственно своею внутреннею силою и сообразностью своих стремлений с расположениями и потребностями общества? -- Эти вопросы уже несколько раз были возбуждаемы в литературе, вызывали споры и получали разнообразные решения. Мы уже отчасти видели, как отвечают на эти вопросы квиетисты. По их мнению, литература не только не пришла в упадок в последнее время, но, напротив, поднялась вверх, улучшилась; то, что, по мнению других, было светлым одушевлением общества и литературы, в их глазах представлялось просто "либеральным расстройством желудка", которое должно было пройти и прошло, благодаря целительной силе природы; все идеалы, принципы и пренципы, которыми некогда тщеславилась левая сторона прессы, были напускною дурью, головоломным чадом, который прошел при первом веянии свежего духа здоровой и трезвой, т. е. квиетистической, литературы; общество очнулось от одури, выздоровело от желудочного расстройства и отвернулось от левой прессы, которой поэтому не для кого и не для чего тянуть своей старой песни, а остается только кое-как перебиваться старым хламом и на нем доканчивать свой век.

Другие ответы на поставленные выше вопросы гласят иначе; но, однако, все они сходятся в том, что признают больший или меньший упадок литературы, большее или меньшее понижение уровня ее задач, стремлений и требований, и разногласят только относительно причин этого явления. -- Одни говорят, что наша литература хиреет и чахнет оттого, что она не имеет здоровых корней, или, говоря точнее, внедряется своими корнями не в здоровую и тучную почву реальной жизни и действительности, а в искусственное, отвлеченное, безжизненное пространство, в висящую на воздухе почву фантазий, мечтаний, утопий и т. п., оттого что она не имеет живой связи с народом, т. е. с простым народом и именно с тем простым народом, который живет в деревне. Чего же можно ожидать, кроме фантазерства или мертвечины, от подобной кабинетной, книжной литературы, не видавшей и в глаза тех людей, на которых должна быть направляема ее заботливость? -- К сожалению, люди, рассуждающие таким образом, не говорят, когда именно литература порвала живую связь с деревенским народом и существовала ли вообще когда-нибудь подобная связь, так что остается неизвестным, к какому времени относится их упрек, к современной ли только литературе, или вообще ко всей новой и древней русской литературе, с тех самых пор как она начала существовать -- с самого появления "Слова о полку Игореве". -- Эта мысль о разобщенности между литературою и деревенским народом есть не что иное, как повторение подобной же мысли, выражавшейся некогда знаменитой фразой: "мы оторвались от почвы". В свое время мы подробно занимались в "Современнике" этою мыслью или, лучше, этою фразой, оценили ее значение и разъяснили ее настоящий смысл или, лучше сказать, отсутствие в ней определенного смысла и осязательной мысли, и при этом льстили себя надеждой, что мы окончательно, навеки похоронили эту мысль или фразу; а вот она опять ожила и возродилась из своего праха. Эта мысль, как в первом ее издании -- в виде оторвания от почвы, так и во втором -- в виде разрыва связи с деревенским народом,